

A romantic scene featuring a young man with dark, wavy hair and a young woman with long, flowing blonde hair. They are both wearing light-colored, off-the-shoulder clothing. The man is wearing a button-down shirt, and the woman is wearing a dress. They are sitting on the back of a large, brown-scaled dragon with prominent horns and wings. The dragon's head is visible in the foreground, looking towards the left. The background is a bright, sunny day with a clear blue sky and a green field. The overall mood is romantic and adventurous.

Я стал алхимиком в чужом теле

Кассиан Норвейн

18+

Кассиан Норвейн

Я стал алхимиком в чужом теле

«Автор»

2025

Норвейн К.

Я стал алхимиком в чужом теле / К. Норвейн — «Автор», 2025

История о человеке из современного мира, который однажды просыпается в теле простого деревенского парня в загадочном фэнтезийном мире. Без магии и меча, но с живым умом и неутолимým любопытством, он начинает свой путь от обыденности к великим открытиям в искусстве алхимии. Покинув унылую офисную жизнь и столкнувшись с новыми испытаниями, Ник (Элиас) пытается найти своё место в мире, где каждый день наполнен приключениями, загадками и неожиданными встречами. Его ждут трудности адаптации, первые успехи, встречи с врагами и друзьями, а главное — поиск себя и любви. Это повествование о втором шансе, внутренней силе и том, как важно не бояться начинать всё с нуля, даже если прошлое кажется далеко позади.

© Норвейн К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кассиан Норвейн

Я стал алхимиком в чужом теле

Глава 1

Свет пробивался сквозь веки – не резкий, как от потолочной лампы в квартире, а мягкий, тёплый, будто ласковое прикосновение рассвета. Он не ослеплял, а согревал, обволакивал, как тонкий туман, отливающий золотом. Сквозь закрытые глаза чувствовалась его подвижность – колебания света от листвы за окном или ползущих облаков. В комнате стояла тишина, но не мёртвая, как в бетонной коробке мегаполиса, а живая – полная дыхания утреннего мира.

Запахи были первыми, что ударило в нос. Пронзительные и настоящие. Не парфюмированный аромат освежителя, не выхлопы с улицы – а густой, насыщенный запах сена, недавно собранный. Сухая, тёплая пыль полей. К ней примешивался древесный дым, тянущийся тонкой струйкой из печи или очага. А под ним – терпкий, почти горький аромат трав, будто из старинной травяной лавки. Ромашка, полынь, зверобой, лаванда – знакомые, но в десятки раз ярче, чем в пакетиках из аптеки.

Воздух – прохладный, свежий, влажный, как бывает только ранним утром в деревне. Он врвался внутрь сквозь ткань на окне, проносил с собой холод росы и тонкий след дождя, что прошёл где-то ночью. Где-то далеко кричала птица – не чайка, не голубь, а что-то иное, с переливчатым криком, не похожим на привычных городских звуков.

Где-то тихо потрескивало дерево. Старая доска, наверное, дала о себе знать от перепада температуры. Или, может быть, крыша дышала вместе с домом. Каждый звук был живым, не похожим на сон.

А тело... тело ощущало каждую деталь. Шершавость простыни. Сыпучесть соломы под спиной. Лёгкий сквозняк, ползущий по коже. Всё говорило о том, что это не привычный мир стекла и пластика. Это – нечто иное. Старое, земное, забытое.

И каждый вдох лишь сильнее утверждал это.

Я медленно открыл глаза. Потолок над головой был деревянным, с трещинами и следами времени. Между тёмными балками висели пучки сушёных трав, среди которых узнал шалфей и что-то, напоминающее зверобой. Всё вокруг казалось чужим – не было ни ламп, ни белого гипсокартона, ни привычного гудения компьютера.

Огляделся. В углу стоял деревянный табурет и небольшой столик, на котором лежала глиняная миска с водой, кусок мыла и сушёный хлеб. Стены – из неошкуренного дерева.

Пальцы, невольно сжались в кулак, сразу выдали нечто странное. Кожа – грубее, чем помнил. Тонкие линии шрамов пересекали костяшки, будто оставленные лезвием травы, острыми углями, когтями земли. Подушечки пальцев – натёртые, шероховатые. Не от клавиатуры, а от верёвок, лопаты, мешков, может быть, от рукояти ножа. Суставы двигались легко, но чувствовалась сила – как у человека, который много времени провёл на свежем воздухе, в работе, требующей рук, а не экрана.

Запястья тоньше, чем привык, но не хрупкие. Мышцы под кожей достаточно подвижные, как будто тело было смазанным, натренированным механизмом. Локти не ныли, спина не тянула – куда делась моя вечная офисная боль, которая жила в позвоночнике последние лет пять?

Осторожно провёл ладонью по лицу. Кончики пальцев встретили гладкую кожу – чистую, без привычной щетины. Под ней чувствовалась чёткая структура: высокие скулы, твёрдый, прямой нос, подбородок – не острый, но выраженный. Лоб – широкий, лобная кость сильнее

выдавалась вперёд. Каждое движение – будто по чужой маске. Всё знакомо по анатомическим рисункам, но не по собственным ощущениям.

Пальцы невольно задели ухо, затем – волосы. Они спадали до плеч, пружинили, когда к ним прикасался. Длина казалась абсурдной. Когда в последний раз я носил что-то длиннее пяти сантиметров?

Шея – крепкая, с рельефной линией мышц. У ключицы, под кожей, нащупал тонкий шрам – старый, заживший, но отчётливо ощутимый. Сердце на секунду сбилось с ритма.

Каждая деталь тела – не просто чужая. Она была лучшей версией. Не идеальной, не глянцево-й, а выточенной трудом, природой и чем-то, чего не было в офисном существовании. Это было тело человека, который жил, двигался, бегал, собирал, носил, держал инструменты, а не мышку.

Но всё же – это не мое тело. Какой интересный сон.

От окна шёл прохладный ветер. Ткань, натянутая вместо занавески, колыбалась, и за ней угадывался мягкий утренний свет. Ни намёка на шум улицы, ни гудка машин, ни привычных звуков, сливающихся в фон цивилизации.

Подняться с кровати оказалось неожиданно легко. Тело, несмотря на не знакомость, слушалось чётко и плавно – ни разу не дрогнуло, не затряслось. Ноги оперлись о холодный деревянный пол, и по стопам пробежало лёгкое покалывание – откуда только оно взялось?

Спина выпрямилась без боли и скованности, привычных после долгого сидения за компьютером. Грудь расширилась, наполняясь свежим воздухом, который уже проникал в комнату через открытое окно.

Подойдя к нему, взгляд зацепился за пейзаж за окном – словно картина, написанная кистью мастера. Зелёные поля, покрытые блестящей росой, словно вся природа проснулась в этот момент. Тонкая серебристая лента реки мерцала под утренним солнцем, отражая небо – чистое и без единого облачка, как свежевystиранная белая простыня.

Лес вдалеке стоял тёмным, могучим силуэтом, как будто охраняя покой этого мира. Ни одного провода, ни стеклянного окна, ни бетонной стены – только живая природа, настоящая и бесконечно дышащая.

На мгновение сердце забилося быстрее – не от страха, а от странного волнения и предчувствия. Всё это было – здесь и сейчас. И совсем не похоже на сон.

Обернувшись от окна, взгляд сразу наткнулся на сундук, прислонённый к стене. Из-под крышки торчал свёрнутый свитер или туника – грубая ткань, заметно поношенная, но аккуратно сложенная. Рядом на полу стояли кожаные башмаки – простые, без лишних украшений, с потёртыми носками, явно сделанные вручную и годами служившие своему хозяину.

Взгляд зацепился за полку, установленную почти у потолка. На ней стояли керамические банки разного размера, покрытые плесенью времени. Этикетки были аккуратно написаны незнакомыми символами, словно древние руны или код, который придётся расшифровывать. Приподняв одну из банок к носу, вдохнул – воздух наполнился смесью сушёной мяты, с горьковатым оттенком камфары и едва уловимым запахом древесной смолы.

Пальцы невольно провели по шраму на шее – тонкому, едва заметному, но чётко ощущаемому под кожей. Он не был похож на мелкие царапины или ранки, оставленные случайностью. Этот след говорил о боли – не офисной усталости или нервном напряжении, а о настоящем, выстраданном теле, закалённом трудом и испытаниями.

Резкий скрип двери прервал тишину. Дверь медленно приоткрылась, и в проём заглянула женщина. Ей было за сорок. В её лице чувствовалась история прожитых лет – чётко очерченные брови, слегка седеющие волосы, собранные в небрежный пучок, тонкие морщинки вокруг глаз и губ, которые, казалось, хранили каждую радость и печаль. Взгляд её был тёплым, чуть обеспокоенным, и в голосе звучала мягкая забота, будто она уже много раз открывала эту дверь.

– Элиас? Ты встал? – спросила она, чуть наклонив голову, словно ожидая ответа.

Имя повисло в воздухе, неожиданное и чужое, словно ключ от незнакомой двери. Оно звучало естественно, слишком, как родное. Сердце невольно откликнулось на это имя, хотя разум сопротивлялся.

Я чуть нахмурился, пытаюсь осознать – кто же этот Элиас? Почему меня так зовут? Внутри всё путалось, словно куски пазла, собранные из разных картин.

– Я... – голос вырвался тихо, неуверенно.

Женщина улыбнулась, слегка опустив глаза, словно решая, с чего начать объяснения.

– Ты выглядишь растерянным, – мягко сказала она. – Пойдём, завтрак уже готов.

Вздыхнув, я медленно отвернулся от окна и сундука, почувствовав тяжесть нового мира на плечах. Каждое движение казалось неуклюжим, словно тело ещё училось слушаться. Но идти было нужно – хоть куда-то, чтобы выяснить, что здесь вообще происходит...

Следом за ней, глубоко вдыхая прохладу деревянного дома и свежесть утреннего воздуха, шагнул в коридор. Доски пола были старыми и неровными – каждое движение отдавалось скрипом, который, казалось, разносился по всему дому. Звуки шагов казались громче, чем хотелось: будто каждый скрип подчёркивал чужеродность моего присутствия.

Ветер за окном лёгкими порывами трепал занавески, принося с собой тонкий аромат. Тишина вокруг была необычайно густой – словно время здесь текло медленнее, а каждый звук становился событием. Пахло сырой древесиной, прелыми листьями и чем-то свежескошенным. Под ногами чувствовалась прохлада пола, и несмотря на тонкую ткань туники, она словно согревала больше, чем одежда в привычном мире.

Взгляд невольно скользнул по стенам – грубая штукатурка с вкраплениями соломы, потёртые деревянные балки, трещины и узоры, оставленные временем. В воздухе – лёгкое ощущение покоя, но вместе с тем и напряжённого ожидания, будто дом хранил множество тайн.

Незнакомка шла уверенно, легко, словно здесь родилась и знала каждый уголок. Я пытался уловить ее движение, каждую деталь вокруг – запах свежего хлеба, лёгкую дымку в воздухе, далёкий звон колокольчика.

За порогом комнаты нас встретил мягкий свет и тепло кухни. На столе уже стояли миски с густой похлёбкой, куски ржаного хлеба и кувшин с мутноватой водой.

– Садись, – сказала она, указывая на табурет рядом.

Сев за деревянный стол, немного неуклюже устроился на табурете. Взгляд невольно стал скользить по помещению. Кухня была небольшой, но уютной, с теплом, исходящим от старой печи, сложенной из кирпича и покрытой пятнами копоти. В углу у печи лежали поленья, аккуратно сложенные в ровную стопку. По углам комнаты стояли деревянные шкафчики и полки, потертые временем – кое-где облезла краска, кое-где проступала фактура грубого дерева.

Стены покрывала грубая штукатурка с заметными трещинами и неровностями, подчеркивая простоту и скромность дома. По периметру тянулась узкая деревянная полка, на которой стояли керамические банки с яркими крышками и этикетками, написанными аккуратным, хоть и простым почерком. В некоторых банках мелькали засушенные травы и корни, в других – порошки и порошкообразные смеси, которые придавали кухне лёгкий аромат мёда и горькой мяты.

Окно было невелико и казалось почти старинным – рамы были неокрашены, слегка потрескавшиеся, а вместо штор висела занавеска из льняной ткани, тонкая и простая, с несколькими аккуратными дырочками по краям, которые придавали ей некоторую неряшливость, но вместе с тем и очарование домашнего уюта.

Женщина уселась напротив, лёгкая улыбка играла на губах.

– Отец уже ушёл в поле, – сказала она спокойно. – Завтракать с нами не будет.

В её голосе звучала не просто речь – в каждом слове чувствовалась устойчивая привычка к утренним ритуалам, к заботе о близких и семье. Тёплый, спокойный тон словно наполнял

комнату мягким светом, делая её уютной и живой, несмотря на простоту обстановки и грубые стены вокруг.

– Он уходит рано, чтобы успеть до жары, – продолжила она, чуть наклонившись вперёд, – так что придёт только к обеду. Помоги ему сегодня принимать больных.

Её слова звучали легко, будто рутинное напоминание, но за ними угадывалась глубокая ответственность и тревога о здоровье отца. Взгляд был полон надежды – на помощь, на поддержку.

Пальцы медленно потянулись к хлебу и миске с горячей похлёбкой, но руки едва заметно дрожали – лёгкая неуверенность и непривычность нового тела и окружающей жизни. Всё казалось чужим: не только тело, с его новыми ощущениями и силой, но и простая деревенская жизнь, где каждое утро начиналось с труда и забот.

Внутри чувствовался тихий водоворот эмоций – страх и удивление, любопытство и растерянность. Но вместе с ними – робкая надежда, что здесь можно начать всё сначала, в мире, где всё живое и настоящее.

Еда была простой, но тёплой и сытной. Похлёбка с густым бульоном и мягкими кусочками овощей согревала изнутри, а ржаной хлеб приятно хрустел на зубах. Жадно, почти не отрываясь, проглотил всё, чувствуя, как силы постепенно возвращаются.

– Спасибо за еду, – сказал, стараясь звучать уверенно.

Женщина улыбнулась, кивая в ответ.

– Хочешь подышать свежим воздухом? – спросила она.

– Можно? – с некоторой неуверенностью переспросил.

– Конечно, – ответила она. – Только будь осторожен.

Благодаря разрешению сердце слегка успокоилось. Встал из-за стола и направился обратно в комнату, где только что проснулся.

Комната встретила знакомой тишиной – такой, что кажется, будто каждый звук здесь обретает вес и значение. Слабый свет утреннего солнца проникал через небольшое окно, рисуя на полу и стенах тёплые, рассеянные пятна. Воздух был свежим, с лёгкой прохладой, вперемишку с запахом дерева и старой бумаги – напоминание о давно ушедших днях, которые всё ещё витали в этом месте.

Быстро, но осторожно передел тунику – простую, чуть грубую на ощупь, но удивительно удобную. Ткань пахла льном, смешанным с древесным ароматом – запахом, который вызывал странное чувство спокойствия и одновременно лёгкого удивления. Штаны были такого же простого фасона, слегка мешковатые, но позволяли свободно двигаться.

Каждый предмет одежды казался новым, словно только что изготовленным, но вместе с тем – каким-то удивительно привычным, как будто тело постепенно начинало срастаться с ними, принимать этот новый облик.

Шагнул за порог дома – и словно попал в другую жизнь. Просторные зелёные поля простирались до самого горизонта, будто бескрайнее зелёное море, мерцающее от капель воды на стеблях. Вдали мягко мерцала та же река, которую видел из окна, тонкая серебристая лента, плавно извивалась через долину. Лес, густой и тёмный, стоял на окраине, словно страж. Над всем этим раскинулось чистое небо – без единого облачка, голубое и прозрачное, как впервые выстиранная простыня.

Каждая деталь казалась настоящей и живой: травинки дрожали под лёгким дуновением ветра, птицы пели свои утренние песни, и где-то вдалеке слышался тихий звон колокольчика. Вдохнув глубоко, ощутил, как сердце забилося чаще – всё вокруг было таким чужим и в то же время таким родным, словно это место ждало именно меня.

Но почему тогда сознание и воспоминания оказались здесь, в этом теле и месте? Что случилось с моим настоящим телом – тем, что оставалось в привычном мире? Вопросы взмывали в голове, словно вихрь, вызывая тревогу и растерянность.

Может, я сейчас без сознания или в опасности? Или же случилось что-то куда более страшное? От мысли о потерянном прошлом сердце сжалось.

Но оглядываясь вокруг, чувствовалась новая реальность – живая, дышащая, неизведанная. Понимание медленно проникало внутрь: этот мир – теперь единственное, что у меня есть, и за него стоит бороться.

Глава 2

Солнце мягко касалось щеки – тёплое, золотистое, живое. Ветер тронул волосы, едва заметно, словно кто-то провёл ладонью по виску. В этот миг мир казался реальным, наполненным дыханием утра и свежестью трав. И вдруг – всё оборвалось. Будто кто-то резко дёрнул невидимую нить, выдернув её из ткани бытия.

Мгновенно внутри вспыхнуло нечто острое, пронзительное. Резкий, вяжущий запах дешёвого растворимого кофе, с ноткой прогретого пластика и перекипевшей воды. Металлический привкус усталости на языке. Пульсирующая тусклость холодных люминесцентных ламп, светящих сверху слишком ярко и слишком мёртво. Как у больничных потолков – стерильных и равнодушных.

Воздух... Он был густым, затхлым. Тяжёлым, как будто им дышали годами, не открывая окна. Заполненный пылью, запахом коврового ворса, пересохшей бумаги и лёгким перегаром от соседнего стола. И ещё – чем-то невидимым, но осязаемым. Разочарованием. Чужим. Накопленным. Засохшим между стен.

Каждая деталь возвращалась с ошеломляющей ясностью: стул, который скрипел под телом, мониторы, гудящие позади, и ощущение, что даже воздух внутри помещения был... усталым. Как и я.

Офис. Тот самый. Слишком знакомый до отвращения. Как комната, в которой ты когда-то жил, но давно перестал чувствовать себя живым.

Я сижу за столом, чуть сгорбившись, с рукой, уставшей держать собственный подбородок. Пальцы безвольно блуждают по клавишам, вызывая на экран бесконечные строки цифр и формул. Руки – знакомые до мелочей: длинные пальцы с чуть обкусанными ногтями, синеватые прожилки, сухая кожа между костяшками. Никогда не уделял им внимания, но сейчас они казались особенно безобразными. На отражающем стекле окна мелькал силуэт – моё лицо, чуть искажённое из-за стекла. Щеки впалые, кожа тусклая, под глазами тени. Тридцать два – а ощущение, будто лет девяносто. Щетина чуть кололась, два дня без бритвы. Короткие тёмные волосы взъерошены от постоянных прикосновений – привычка трогать макушку, когда думаю или злюсь. Чёлка сбилась в сторону, липкая от пота – кондиционер давно отключили, а воздух застоялся. На мне все та же серая рубашка, смятая под локтями, и джинсы, давно не стиранные. Спина болит, голова гудит, но в отражении вижу только одно: усталость. Та, которая не пройдёт после выходных. Та, которая становится лицом. Моим.

На ноутбуке открыт Excel. Серый фон. Ядовито-зелёные ячейки. Бесконечная лента таблицы, в которой нет смысла, но есть сроки. В правом нижнем углу экрана – 21:46. Рабочий день закончился почти три часа назад, но офис не даёт отпусков. Ни телу, ни голове.

За стеклом – тьма. Осенний вечер плотно окутал город. Экран не мигает. Он просто смотрит в ответ, как усталый надсмотрщик. Всё внимание сосредоточено на отчёте. Не потому что хочется, а потому что нельзя иначе. Потому что так надо.

На столе – почти пустая кружка с кофейным налётом, высохший сэндвич в бумажной упаковке и стопка распечаток, с пометками карандашом. На соседних столах – темно. Все уже ушли. Офис пуст, будто заброшен. Тишина только подчёркивает каждое щелканье мыши, каждое поскрипывание кресла. Тишина, от которой не легче. Тишина, в которой тонешь.

Менеджер уходя час назад, бросил через плечо, не глядя:

– Ник, отчёт к утру. Надеюсь, не придётся напоминать.

На стене – корпоративный календарь, украшенный фальшивой "мотивационной цитатой" и зачёркнутыми днями. Остался один – завтра. И наконец долгожданный отпуск...

Когда все же встал из-за стола, позвонки хрустнули с болезненным удовлетворением – как будто позвоночник пытался напомнить, что он ещё жив. Тело было ватным, тяжёлым, будто

я весь вечер таскал мешки, а не работал мышкой. Ноги налились свинцом, колени хрустнули, а поясница отозвалась тупой болью.

Я потянулся, инстинктивно сцепив пальцы над головой. Потянулся медленно, вяло – не для бодрости, а просто чтобы почувствовать себя хоть немного свободнее. Плечи щёлкнули. Под лопатками будто растянулась натянутая проволока, но облегчения это не принесло.

На стуле у стены лежал мой рюкзак – старый, с тёртыми ремнями и расстёгнутым боковым карманом. Небрежно затолкал какие-то бумаги, которые даже не собирался читать. Телефон – в левый карман. Холодный на ощупь, от него пахло аккумулятором и тревогой. Ключи от машины – в правый. Мелкие, с чёрной пластиковой меткой, которой иногда надо трясти, чтобы сработала.

Вернулся к столу. Нажал "Сохранить", потом "Выход". Экран мигнул, погас. В офисе стало темнее, будто выключили последнее солнце. Монитор потух, но я ещё пару секунд стоял, глядя в него, как в зеркало, в котором больше не видно ничего.

Шаги глухо отдавались в тишине. Прошёл мимо пустых рабочих мест, где раньше кипела жизнь – или, по крайней мере, имитировалась. Кресла сдвинуты, кружки забыты, лампы не горят. Свет от аварийных табло рисовал зелёные тени на стенах.

Дверь с электронным замком щёлкнула, как всегда, с микрозадержкой – и отпустила. Я вышел в коридор, стремительным шагом зашел в лифт. Металлические двери сомкнулись со вздохом. Отражение в зеркале на внутренней стенке было бледным, мутным – как будто я смотрел на себя из другого мира.

На улице пахло дождём.

Сиэтл встречал, как и всегда: серым небом, влажным ветром, фонарями, отражающимися в лужах. Капли мягко падали на плечи, стекали по воротнику рубашки, по лицу. Пахло бетоном, мокрым асфальтом, лёгким бензином, пролитым кем-то на углу. Где-то вдали гудел транспорт, но здесь, на стоянке перед зданием, было тихо.

Я шёл, будто не по улице, а по сну. Медленно, без мыслей, не чувствуя ни радости от свободы, ни усталости. Лишь вязкую отстранённость. Будто тело двигалось само, а сознание плыло где-то сбоку.

Машина стояла у самого угла стоянки – старая «Тойота Королла» 1993 года, цвета мокрого асфальта, с матовыми фарами и царапиной вдоль двери. Металлический корпус блестел каплями дождя, как облезлая черепаха после купания.

Подойдя, я нашупал в кармане ключ. Метка снова не сработала с первого раза – привычный раздражающий щелчок, как упрёк за всё. Тронул кнопку ещё раз – фары мигнули, замки щёлкнули. Открыл дверь. Внутри пахло тканью, старым кофе и влажной обивкой. Сел на водительское, бросив рюкзак на соседнее сиденье. Оно встретило знакомым скрипом пружин и вдавленным отпечатком усталых лет. Закрыл дверь – глухой хлопок, изолирующий от остального мира. Остался только я и моя старушка.

Ключ в замок зажигания. Поворот. Мотор вздохнул, завёлся с хрипом, как будто ему тоже не хотелось никуда ехать. Панель загорелась приглушённым светом. Вентилятор затрещал, обдувая лобовое стекло, покрытое испариной. Щётки лениво взмахнули, размазывая капли. Я включил ближний – жёлтые фары прорезали пространство в несколько метров впереди.

Руки легли на руль – тяжёлые, вялые. Пальцы механически проверили рычаг коробки передач, в положение "D". Нога коснулась педали газа – машина слабо дёрнулась с места, будто нехотя.

Скользнул взглядом по зеркалу заднего вида – отражение тусклое, расплывчатое. Под глазами – синяки, губы сжаты в тонкую линию. Так я и не понял, когда лицо стало таким... чужим.

Вырулил со стоянки. На дороге почти не было машин. Город словно вымер. Только фонари отражались в мокром асфальте, рисуя дорожные ленты из света и темноты. Дворники

продолжали свою неторопливую пляску. В салоне было тихо, даже радио не включал. Не хотелось. Музыка казалась бы слишком живой для этого вечера.

Проезжал знакомые здания – пустые, равнодушные. Магазин с вывеской "24/7", куда никогда не заходил. Прачечная с мигающим неоном. Каждый поворот – выученный до автоматизма. Каждая остановка – как миг, который не хочется вспоминать.

Каждый вечер был похож на предыдущий, как капля дождя на стекле – одинаковый, с бесконечно повторяющимся маршрутом, с одинаковыми мыслями, которые размывались по кругу, как следы на водяной глади.

"Вот так и живу..." – мысль всплыла, как будто кто-то чужой шепнул её на ухо.

Живу? Нет. Не живу. Просто двигаюсь по инерции. Как старая машина, у которой стерты тормозные колодки, а мотор работает лишь на двух цилиндрах.

Когда-то казалось, что всё ещё впереди. Что вот ещё чуть-чуть, и начнётся "настоящая" жизнь. Стоит только... закончить проект, накопить денег, пойти в отпуск, найти хобби, полюбить кого-то снова... Но всё всегда откладывалось. И каждый следующий день становился немного хуже предыдущего, совсем чуть-чуть.

Жена – она была последней попыткой цепляться за тепло. Сначала мы просто смеялись, пили кофе, обсуждали фильмы. Потом стали вместе платить счета. А потом... Потом каждый разговор стал похож на сдачу отчёта. Она смотрела на меня – ни с ненавистью, не с грустью, а с пустотой. Как на человека, который давно ушёл, просто ещё не заметил этого сам.

"Ты живой или притворяешься?", её слова до сих пор резали сильнее, чем сама измена. Она ушла. А я... остался. Остался не потому, что хотел. Просто потому, что некуда было идти.

Каждое утро – одно и то же. Будильник. Открыть глаза. Нажать "отложить". Пять минут тишины, в которой ничего не меняется. Потом душ, кофе, дорога в пробке. Лица других людей – такие же уставшие, такие же запертые в своих маленьких адских петлях. Иногда, конечно, мечтал все бросить. Исчезнуть. Уехать. Начать заново. Но... как? Где? С чего? Страх и инерция держали крепко, как наручники, только мягкие, почти незаметные.

"Может, я уже умер, просто тело ещё дышит...", мрачная мысль мелькнула, как вспышка фар.

Колёса мягко заскрипели на влажном асфальте подъездной дорожки. Дом – типовой многоквартирный, выкрашенный в тусклый серый, с облупившейся краской и облезлыми дверями. В воздухе – запах сырой земли, старых труб и разбросанной листвы.

Машина медленно катится к пустой парковке. В зеркалах мелькают тёмные силуэты деревьев и редкие прохожие, спешащие по своим делам. Остановка. Щёлкнул рычаг коробки передач – "Р". Вытянул руку к рычагу ручного тормоза, поднял его, ощущая привычный скрип тротуаров. Плечи расслабились, хотя тело всё ещё было напряжено, мотор заглох с тихим стоном. Вытащил ключ из зажигания, зажигание и убрал в карман куртки. В машине повисла тишина – словно пространство задерживало дыхание.

Открыл дверь. Прохладный воздух мгновенно ударил в лицо. Капли дождя продолжали падать, медленно стуча по крыше автомобиля. Выйдя, нажал кнопку на брелоке – послышался короткий писк, и машина мигнула фарами, становясь под охрану, зашагал к подъезду, чувствуя под ногами влажную листву и разбросанные ветки. Ключи в кармане слегка звякнули, когда я дотронулся до двери. Щёлкнул магнитный замок. Дверь поддалась, запах старого бетона и немного сырости встретили меня.

Лестница была знакома до каждого уголка и трещины. Поднимался медленно, перехватывая дыхание. Стены облупленные, а свет в коридоре – тусклый, жёлтый, еле освещал путь. Наконец дошёл до своей двери. Опять достал ключи, вставил в замок, повернул, и дверь тихо открылась. Вошёл внутрь.

Она стремительно захлопнулась за спиной. В квартире – пусто и тихо. Пол – холодный линолеум, на котором блестели капли, что принёс с собой с улицы. Одинокие тени мебели

отражались в тусклом свете от уличных фонарей. Рюкзак скинул у двери. Руки дрожали, когда стянул мокрую рубашку – ткань тяжело прилипала к коже, холодила плечи и спину. Скинул её на вешалку, оставшись в простой серой футболке и слегка потертых джинсах.

Медленно направился к дивану, дома тяжесть в теле всегда ощущалась особенно остро. Лег на спину – диван слегка прогнулся, пружины скрипнули в ответ. Ноги вытянул прямо, ступни касались холодного пола.

Закрыв глаза. В комнате пахло затхлым воздухом и старой тканью – смесь, которая почему-то казалась успокаивающей и угнетающей одновременно. Вдыхая глубоко, ощутил, как лёгкие наполняются тяжёлой тишиной.

Мысль ворвалась внезапно, как свет через щель в шторах: Всё можно изменить. Если только захотеть по-настоящему. Если осмелиться сделать первый шаг, даже если страшно, даже если мир вокруг кажется непоколебимым. Руки неохотно сжались в кулаки, словно ища опору, чтобы вырваться из этого состояния застоя. Сердце билось чуть быстрее – первый слабый импульс надежды.

Пусть сейчас всё кажется тяжёлым и безысходным, но где-то там, за пределами этой комнаты и старых привычек, ждёт новый путь. И, может быть, сегодня – именно тот момент, когда всё начинает меняться.

Вспышка воспоминаний медленно растворилась, словно утренний туман под первым солнечным лучом. Взгляд прояснился – и снова оказался здесь, в новой реальности.

Воздух наполнен свежестью леса и тонким ароматом трав. Под ногами – мягкая земля, а впереди – деревянный дом с небольшой печью, откуда доносился лёгкий дымок. Вдали пели птицы, и где-то шумела река. Тело ощущалось иначе – лёгким, бодрым, словно каждый мускул готов к движению и работе. Руки, пальцы – крепкие, привыкшие к труду и жизни на природе.

Здесь и сейчас – другой мир, другая жизнь. Возможно, шанс начать всё с чистого листа. Глубоко вдохнув, сделал шаг вперёд, чувствуя, что будущее уже зовёт за собой.

За домом, в небольшой ухоженной ограде, стояла деревянная постройка – похожая на сарай или мастерскую. Её стены были простыми, но крепкими, обшитыми тёмным, потёртым деревом, на котором местами пробивался мох. Крыша покатая вниз, словно защищая вход, а из тонкой трубы, выступающей из неё, лениво поднимался дым – тонкий и серебристый, растворяясь в утреннем воздухе.

Между домом и зданием раскинулся небольшой огород – аккуратный, но простой. Высокая, чуть подвяленная трава колыбалась на лёгком ветру, а рядом росли густые кусты с листьями самых разных оттенков зелёного – от светло-салатового до глубокого изумрудного. Тонкие стебли покрыты мелкими волосками, а листья излучали мягкий, но свежий аромат, словно свежесобранный чай.

Подойдя ближе, присел на корточки и осторожно провёл пальцами по траве. Хрустнула сухая веточка, а лёгкий тёплый запах мяты и чуть горьковатой мелиссы всплыл в нос. Глаза закрылись сами собой – этот аромат говорил о целебных свойствах, о старых знаниях, передаваемых из поколения в поколение. Память этого тела чуть востребовалась, указывая на глубокое знание растений. Тонкий аромат травы смешивался с влажным запахом земли и раннего утра. Лёгкая прохлада росы осталась на ладонях, а воздух вокруг казался наполненным жизнью и спокойствием.

Встал с корточек, ощутив лёгкую усталость в ногах, но вместе с тем – прилив бодрости от свежего воздуха и ароматов трав. Шаги по мягкой, ещё влажной от росы земле отдавались приглушённым звуком.

Дверь маленькой постройки была приоткрыта, а на косяках выгравированы узоры, напоминающие сплетённые ветви и листья. Внутри воздух был пропитан запахом трав, масел и чего-то металлического – смесь, которая одновременно успокаивала и возбуждала чувства.

Окно, выходящее на огород, пропускало мягкий свет, который играл на ряде полок с банками, свёрнутыми свитками и странными приборами. Стол в углу был усеян заметками, картами и разложенными колбами, словно кто-то только что прервал работу.

Полки, покрытые тонким слоем пыли, тянулись вдоль всей стены мастерской, уставленные рядами книг и свитков самых разных размеров и толщины. Переплёты были потрёпаны, с трещинами и выцветшими надписями, местами страницы выглядывали из-под обложек, свидетельствуя о частом использовании. Тонкий аромат затхлости смешивался с запахом старой кожи и трав – напоминание о том, что здесь хранятся знания, проверенные временем.

Взгляд задержался на небольшом блокноте с кожаной оплёткой, который выделялся среди остальных – его поверхность была протерта до гладкости, уголки страниц загнуты, а по краям проступали лёгкие пятна, словно его часто брали в руки. Кожаная обложка была тёплого коричневого оттенка, с тонкими трещинками – она словно рассказывала свою историю, каждое повреждение было напоминанием о пройденных днях и ночах.

Аккуратно взял блокнот с полки, ощущая под пальцами шероховатость кожи и лёгкую тяжесть – не просто сборник заметок, а надёжный спутник ее хозяина. Развернул первую страницу – рукописный почерк был плотным, аккуратным, с завитками и подчёркиваниями, словно каждая запись была продумана и важна. Пахло старым пергаментом, лёгкой древесной смолой и чем-то ещё, что напоминало о долгих часах работы при свечах и горячих обсуждениях.

Там были формулы и рецепты, пометки о травах с описанием их свойств и применений, а между строк проскальзывали личные заметки и предостережения. Каждая страница излучала атмосферу тайны, знания и надежды – будто этот блокнот был ключом, который должен помочь открыть новую дверь в жизни.

Присел на грубую скамью, слегка скрипнувшую под весом, и осторожно раскрыл блокнот на середине. Первая встреча с текстом ошеломила: буквы были причудливые, словно вырезанные из другого времени – изогнутые линии и петли, незнакомые символы, казавшиеся загадочными и непостижимыми. Но, несмотря на это, взгляд по инерции скользил по страницам легко и непринуждённо – словно язык этой рукописи был глубоко вписан в память с самого рождения. Каждая строка читалась, как родная речь, и слова складывались в стройные предложения, наполненные смыслом. На полях блокнота – маленькие, едва заметные пометки, сделанные иным почерком, более резким и спешным, чем основной текст. В них – уточнения, дополнения и даже личные комментарии. Эти заметки были словно голосом человека, который оставлял мысли о своих открытиях и ошибках.

Постепенно стало ясно – этот блокнот принадлежал именно этому телу, то есть мне. Это была не просто книга, а плод труда, часть души, отражение многолетнего изучения алхимии и экспериментов.

Формулы и рецепты, описания трав и их свойств, наблюдения над реакциями – всё было изложено с любовью и тщательностью. Тут были записи о травах из какого-то Леса Ивентала, секреты приготовления зелий, которые могли исцелять или усиливать тело, а также предупреждения об опасностях. Каждая страница словно дышала жизнью, наполняя комнату невидимой энергией знаний и стремления. В этом блокноте – целый мир, который Элиас создавал и в который теперь я мог погрузиться. До текущего момента, даже и не задумываясь, что же случилось с настоящим Элиасом, и почему разум то и дело заикливается на шраме.

Взгляд упал на аккуратный заголовок – "Основы сбора и хранения трав", подчеркнутый тонкими, почти выцветшими линиями. Страница была плотно заполнена мелким, но чётким почерком, в котором чувствовалась не только точность, но и особая забота – будто каждая строчка была написана с любовью и вниманием.

Под заголовком шли подробные инструкции. Определённое время суток для сбора: раннее утро, когда роса ещё не высохла, но солнце уже начинает согревать листья и раскрывать их запахи. Отмечалось, что растения лучше срывать в период цветения, чтобы сохранить их

целебные свойства, а для корней – осень, когда в них накапливается максимум энергии. Каждое правило сопровождалось маленькими зарисовками листьев, цветов и стеблей – аккуратными и живыми, словно мастер пытался передать форму и структуру каждого растения.

Далее шло описание способов сушки: аккуратное развешивание в тени, хорошая вентиляция, чтобы избежать плесени, и совет хранить травы в керамических банках с подписью, чтобы не перепутать. Отмечалась важность соблюдения чистоты и порядка – даже мельчайшая пылинки могла испортить качественный сбор. По краям страниц – заметки карандашом: дополнительные советы, личные наблюдения, иногда даже предупреждения – например, о схожих по виду, но ядовитых растениях, которые легко перепутать.

Читая эти записи, почувствовал глубокую связь с человеком, который их писал. Это был не просто сбор трав – это было целое искусство, основанное на уважении к природе и терпении. Каждая строка говорила о годах усердной работы, поисков и открытий, о том, как природа становится живой частью алхимии.

Именно эти знания, вложенные в простые слова и рисунки, были фундаментом, на котором строилась вся дальнейшая практика – первый шаг на пути к великому ремеслу. С каждой прочитанной страницей приходило осознание: этот блокнот – не просто дневник, а мост между прошлым Элиаса и нынешним мной. Именно здесь зарыто зерно новой жизни, которую только предстоит вырастить.

Время пролетело почти незаметно – вот и наступил обед. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь маленькое окно с тонкими рамами, мягко ложились на потрёпанные полы и грубые деревянные стены, придавая помещению тёплый, но немного старомодный оттенок.

Имя женщины, что заботливо улыбалась и заботилась обо мне утром, оставалось загадкой. Она была словно тёплый свет в этом новом мире, но её имя ускользало, пряталось где-то за занавеской молчания. Отец – тоже таинственная фигура, которая сейчас работала в поле – был для меня ещё более далёким и незнакомым.

Внутри всё переворачивалось: тревога, напряжение и растущая неуверенность сжимали грудь, мешая вдохнуть. Каждое слово, произнесённое или только возникшее в голове, казалось словно на весах – правильно ли, не вызовет ли подозрений? Каждое движение ощущалось под лупой, будто сотни глаз наблюдали за моими жестами. Отчуждённость разъедала изнутри, словно ледяной ветер, пробирающийся до костей. Но вместе с этим жила тихая надежда – надежда, что со временем станет легче, что узнаю имена, пойму обычаи, и, возможно, смогу стать частью этого мира. Сжимая руки в кулаки, пытался убедить себя: здесь можно начать всё заново, и этот страх – лишь первый шаг.

Дверь мастерской медленно приоткрылась с тихим скрипом, и в проёме возник мужчина. Его фигура была крепкой и подтянутой, плечи широкие – явно привык к физической работе. Лицо, загорелое и немного морщинистое, отражало годы труда на открытом воздухе, а глаза – тёплые, но внимательные, словно он пытался прочесть душу. Одежда была простой – льняная рубаха с расстёгнутым воротом и грубые штаны, но всё аккуратно и опрятно, без лишних украшений. На шее висел кожаный шнурок с маленьким амулетом, едва заметным на фоне потёртых вещей.

– Элиас? – произнёс он ровным, спокойным голосом, с лёгкой усталостью и вкраплениями заботы. – Как себя чувствуешь?

Его взгляд скользнул по мне, внимательно и чуть пронизывающе, будто пытаюсь заглянуть глубже, понять, кто перед ним: сын или чужой человек. В груди защемило – чужие глаза, но знакомое имя, и эта тонкая грань между прошлым и настоящим казалась почти невыносимой.

– Отец, – ответил, стараясь сохранить ровный тон, хотя внутри всё сжималось от неведомой тоски, – я ничего не помню.

На лице мужчины пробежала тень печали, губы чуть дрогнули, но он быстро взял себя в руки, чтобы не показать слабость.

– Понимаю, сын... – тихо сказал он, голос едва слышный, словно шёпот, – ты был тяжело болен, после той раны и долго не приходил в себя. Прости меня...

В этих словах звучала не только забота, но и тихая боль – боль от утраты прошлого и надежда на то, что ещё можно построить будущее.

Он медленно опустился на скрипучую скамью рядом, тяжесть усталости словно давила на плечи, но в его движениях была и некая осторожность – будто боялся потревожить что-то тонкое и хрупкое. Взгляд, обременённый годами забот и тревог, стал мягче, но в нём всё ещё таилась глубокая грусть, словно память о прошлом не давала покоя.

– Давай я освежу твою память, меня зовут Мартин, я твой отец, – произнёс он тихо, голос срывался на чуть заметную дрожь, – женщина, что встретила тебя утром – твоя мать. Её зовут Кара.

Он задержал взгляд на моём лице, пристально всматриваясь, словно пытаюсь разглядеть хоть какую-то искру знакомого в этих чужих глазах.

– Кара всегда была сильной, – продолжил он, чуть улыбнувшись, – несмотря на все невзгоды и потери, она не сломалась. Твёрдая, добрая, она любит тебя и я тоже. На самом деле, мы были готовы к такому исходу, священник утверждал, что ты вовсе не проснешься.

В воздухе повисла пауза – тихая, наполненная невысказанными словами и смешанными чувствами надежды и страха. В этот момент стало ясно – несмотря на чуждость и смятение внутри, здесь есть семья, которая держит дверь открытой, веря, что однажды я смогу переступить её порог целиком – не просто телом, а душой. Спасибо настоящему Элиасу, за такой, возможно временный, но подарок судьбы.

Мартин внезапно отвел взгляд, и я замечаю, как по его щекам медленно стекают прозрачные дорожки – слёзы, едва заметные, но от этого не менее искренние. Его сильные, загорелые руки дрожат, когда он смахивает их рукавом льняной рубахи, словно пытаюсь скрыть эту редкую слабость.

– Прости, – голос срывается, тихий и сдавленный, – просто... мысль о том, что мы могли тебя потерять, давит на меня так тяжело, что слов не хватает, чтобы описать это чувство.

Комната словно сжалась под тяжестью этих слов, воздух стал густым и тяжёлым – наполненным болью, тревогой и не выраженными словами. Он глубоко вздохнул, собрал в кулак всю свою волю и медленно поднял взгляд, в котором теперь плотно переплетались грусть и твёрдая решимость.

Без лишних слов тело само потянулось к Мартину – крепко, почти цепко обнял его, будто пытался удержать нечто важное. В этот миг сердце билось неровно, словно в груди вздымалась буря из противоречивых чувств. Благодарность – за то, что кто-то верит, несмотря на все сомнения и неизвестность. Страх – тихий и глубокий, будто тень, подкрадывающаяся изнутри, не давая полностью расслабиться. Надежда – едва заметный свет в конце длинного тоннеля, который подталкивал двигаться вперёд. Потерянность – пустота, в которой ещё не нашлось места ответам, только вопросы. Тоска – тихая, как шёпот ветра, от того, что многое утеряно и непонятно, кто теперь настоящий "я". Это объятие стало якорем – попыткой найти точку опоры в этом новом мире, в этих чужих чувствах и незнакомых сердцах. Все эти эмоции переплетались в одно сложное, мучительное и одновременно живое чувство, которое словами описать почти невозможно.

– Спасибо, что верили в меня, – выдохнул почти шёпотом, голос дрожал, словно едва сдерживая эмоции.

Но в глубине сознания мысли были совсем иными – невысказанными и тяжёлыми. Правда, которую боялся озвучить вслух, будто она могла разрушить всё вокруг. Правда о том, что настоящий Элиас где-то далеко, в другом мире, и что это тело – лишь его оболочка, мой

временный приют. В голове мелькали обрывки воспоминаний, неясные и призрачные, мысль о том, что раскрыть это пока невозможно – ни им, ни себе самому.

– Сын мой, – говорит он, стараясь звучать спокойно, – давай сначала пообедаем. Это важно. Ещё многое впереди, и силы нам сегодня понадобятся.

Мы медленно отпрянули друг от друга, словно боясь разорвать ту хрупкую связь, что только что установилась. Взгляды на мгновение встретились – полные неподдельной тревоги и невыраженных чувств. Затем оба поднялись, немного неуверенно, словно ещё не привыкшие к новому статусу – к тому, что теперь мы были связаны не только кровью, но и общей неизвестностью.

Шаги по деревянному полу мастерской звучали приглушённо, каждое движение отдавалось в груди тяжестью, словно пол был наполнен не просто досками, а горестями и надеждами, которые нависали над нами. Мартин первым нарушил молчание, его голос звучал тихо, но в каждом слове чувствовалась глубокая забота и тревога:

– Твоя мама ждёт, идем.

Слова были просты, но отдавались эхом в сердце, напоминая, что даже в этом новом, пугающем мире есть место заботе и семье. Взгляд невольно скользнул по мастерской: аккуратно расставленные инструменты, полки с пыльными свитками и старинными книгами, запах сушёных трав, воска и дерева – всё это казалось одновременно чужим и удивительно родным. Место, где знания и умения переплетались с повседневностью, и где, возможно, рождался новый путь.

Каждый шаг выводил дальше в этот мир, наполненный неизвестностью и тихой надеждой. Сердце сжалось от страха – страх перед тем, что впереди – только борьба и потеря, страх одиночества в чужом теле и чужой жизни. Но вместе с этим страхом в душе вспыхнул слабый, но упорный огонёк надежды: может быть, именно здесь – среди этих простых вещей и людей, среди забот и тревог – можно построить что-то настоящее, найти себя и наконец обрести дом.

Мы шагнули внутрь дома, и деревянный пол тихо закрипел под ногами. Тёплый запах свежей выпечки смешивался с едва уловимым ароматом сушёных трав, наполняя комнату уютом и спокойствием. Свет, пробиваясь через маленькие оконца, играл на неровных поверхностях стены, заставляя их казаться живыми и тёплыми.

У порога нас встретила Кара. Её добрые глаза сразу же смягчили внутреннее напряжение, а тёплая улыбка словно прогнала остатки сомнений. В каждом её движении чувствовалась забота и привычка к домашнему хозяйству – простая, но искренняя.

– Заходите, – услышал спокойный, мягкий голос, который звучал как обещание уюта и безопасности. – Всё уже готово, садитесь скорее за стол.

Всё это казалось таким простым, но в то же время наполненным жизнью и теплом – словно здесь можно было хотя бы на время забыть о тревогах и почувствовать себя дома.

Мы уселись за стол, и Кара поставила передо мной миску с горячей похлёбкой и свежий хлеб. В тишине раздался лёгкий звук ложки, касающейся керамики, и я почувствовал, как тепло еды немного успокаивает. Мартин сел напротив, взглянув на меня с той же смесью заботы и усталости. Его голос был тихим, но уверенным:

– Сегодня утром, пока ты ещё спал, я был в поле. Помогал одному мужчине – ему внезапно стало плохо, и пришлось оказывать первую помощь. К счастью, всё обошлось.

Я кивнул, пытаясь впитать каждое слово. В его рассказе звучала ответственность и опыт, но также и тревога за каждого, кто рядом.

– Такие случаи напоминают, – продолжил он, – почему важно быть лекарем. Здесь, в нашей деревне, каждый помогает друг другу – иначе выжить было бы трудно.

Я поднял ложку, но слова застряли в горле. Эти простые факты казались одновременно далёкими и близкими – новой жизнью, которая уже начинала вплетаться в моё сознание.

– Надеюсь, скоро и ты сможешь помочь кому-то так же, – мягко добавил отец, и в его взгляде мелькнула тихая надежда.

– Спасибо, – ответил тихо, – я хочу научиться алхимии. Я раньше ей занимался, верно? Мартин кивнул, словно понимая внутреннюю борьбу, и продолжил:

– Ты в этом преуспел.

Кара улыбнулась, добавляя тепла разговору:

– Мастерская всегда была твоим вторым домом, а уж какие зелья получались, всем в радость.

В комнате повисла мягкая тишина, наполненная надеждой и обещаниями. С каждым глотком похлёбки становилось чуть легче, будто вместе с пищей я впитывал не только силы, но и частичку этого нового дома. Пока разговор шёл дальше, где-то глубоко в душе зарождалось тихое, но уверенное желание – стать не просто чужаком, а кем-то значимым здесь и сейчас.

Мы неспешно доедали – Кара подливала похлёбку, Мартин рассказывал, как в детстве "Элиас" пугал куриц змеиной шкуркой, а я лишь улыбался, осторожно ловя ритм этой новой жизни. Слова отца были простыми, тёплыми, с едва заметной хрипотцой – как старый очаг, который всё ещё горит, несмотря на ветра перемен.

Когда тарелки опустели, Мартин отодвинул стул, сдержанно потянулся и встал. В его движениях не было спешки, но чувствовалась внутренняя энергия, привычка жить в постоянной заботе о других.

– Пойдём, – сказал он, бросив взгляд на меня. – Покажу тебе нашу лечебницу. Там я работаю вместе с двумя другими врачами. Увидишь, как мы здесь справляемся. Может, что-то тебе покажется знакомым или поможет вспомнить.

Я кивнул, чувствуя, как внутри рождается странная смесь волнения и благодарности. Возможность взглянуть на то, чем жил прежний Элиас, – будто шанс прикоснуться к ниточке, что соединяет прошлое тела с моим настоящим.

Кара между делом протёрла руки о фартук и кивнула нам с доброй, спокойной улыбкой:

– Идите, я тут приберусь. Вечером приготовлю мясо, не опаздывайте.

Мы вышли в прихожую, и я поспешно надел простые башмаки, чувствуя под ногами прохладную древесину. За дверью ждал мир – солнечный, пыльный, живой. И с каждым шагом, ведущей от дома к деревне, сердце начинало биться немного ровнее.

Мы шли по узкой тропинке, петлявшей между травами, кустами и аккуратно утоптан-ными следами от повозок. Солнце, поднимаясь выше, разливало по округе мягкое, золотистое тепло, согревая плечи и заставляя ветер играть в кронах деревьев у дороги. Воздух был насыщен запахами – пряной сухой травы, свежей земли, пыли и чего-то чуть горьковатого, будто издалека тянуло настоем полыни или сушёного зверобоя.

Мартин шёл рядом, молча, с прямой спиной и привычной уверенностью. Казалось, он знал не только каждый поворот этой дороги, но и каждый камень. Его рука иногда тянулась поправить ремень через плечо – маленькая тряпичная сумка с травами и бинтами была неотъемлемой частью его образа.

Вскоре перед нами показалась постройка – простая, но крепкая. Лечебница. Она стояла чуть в стороне от остальных домов, у подножия пологого холма, где начиналось редколесье. Деревянные стены, потемневшие от времени и солнца, были обиты широкими досками, а над дверью висел резной знак – круг с листьями по краям и перекрёщёнными травами в центре.

Крыша, покрытая деревянной черепицей, отбрасывала ровную тень, а под ней виднелся навес с лавками – видимо, для ожидающих. У стены сушились пучки трав, перевязанные верёвками – чабрец, мята, иссоп, календула. Воздух здесь был густым от аромата, будто хранил воспоминания о десятках лекарств, ран и спасённых жизней.

Мартин открыл тяжёлую деревянную дверь, и мы вошли здание.

Внутри было прохладно и полутемно – лучи света пробивались сквозь узкие оконца, ложась полосами на гладкий пол. Помещение было разделено на две части: приёмную и зону для лечения. Вдоль одной стены тянулись полки, уставленные керамическими банками, склянками, деревянными ящичками с выжженными символами. Запах был сильнее – травяной, немного спиртовой, с нотками смолы и уксуса.

Вдоль противоположной стены стояли две кушетки, застеленные тканью, выцветшей от стирки и времени. На столе между ними – ступки, ножи, пинцеты, свитки с заметками, свёрнутые аккуратными рулонами. Над столом – лампа, заправленная густым маслом.

– Вот, – сказал Мартин, мягко, с едва заметной гордостью. – Здесь мы и лечим. Иногда с утра до заката, особенно в страду или если кто из леса раненого принесёт.

Я провёл взглядом по полкам, по стенам, по предметам, чувствую, как внутри что-то щёлкнуло. Всё выглядело настолько реально, настолько основательно – и как ни странно, близко. Словно я уже был здесь раньше. Или... должен был быть.

– Хочешь остаться и посмотреть, как мы работаем? – спросил Мартин, повернувшись ко мне. В его голосе не было давления – только предложение, почти как приглашение стать частью чего-то большего.

Да, я хотел.

– Да, – тихо ответил я, чувствуя, как слова рождаются сами собой, без усилий, будто отголосок решения, которое уже зрело во мне. – Я хочу понять, как всё устроено. Научиться.

Мартин кивнул с тем самым одобрением, которое ничего не доказывает – оно просто есть, как факт, как доверие. Он прошёл внутрь, жестом показав на стол у стены:

– Тогда начнём с простого. Эти настои мы используем чаще всего – от лихорадки, от боли в животе, от укусов. Видишь метки?

Я подошёл ближе. На деревянных ящиках были выжжены аккуратные символы: круг с точкой, резная капля, листья. Под каждым – короткие надписи. И снова – тот самый эффект: язык казался чужим, символы – незнакомыми, а смысл... понятным. Где-то в глубине сознания слова складывались в значение сами собой. Я мог их прочитать.

– Это... ромашковый настой, – сказал я, почти не осознавая, как губы произносят фразу.

Мартин удивлённо взглянул на меня, но кивнул:

– Верно. Помогает при простуде, если не пускать на самотёк. Ты ещё не всё вспомнил, но знания, похоже, возвращаются. Это хорошо.

Он говорил мягко, но взглядом будто выискивал: кто перед ним – сын, каким он его знал, или кто-то новый, с теми же чертами. Я отвёл глаза, стиснув пальцы на краю стола.

– Мне сложно это объяснить... но когда я смотрю на эти банки, на травы, на всё это – мне кажется, что... я будто и не забывал, – сказал я, не поднимая взгляда.

– Знание вещь странная, – вздохнул он. – Иногда оно уходит, иногда возвращается. Руки тянутся к нужному месту, язык сам повторяет слова. Не спеши. Всё получится.

Он положил руку мне на плечо, сдержанно, но с той теплотой, в которой ощущалась настоящая забота.

– Сегодня я хотел бы, чтобы ты просто понаблюдал. И, если сможешь – помоги. А завтра... начнём по-настоящему.

Я кивнул. Мы оба знали, что "по-настоящему" – это не только про травы и бинты. Это был путь. Новый. Мой.

Глава 3

Два месяца спустя.

– Держи его, пока я не скажу. Ни раньше, ни позже.

Сэла не смотрела на меня – её глаза были прикованы к разодранной ноге дровосека, из которой торчал обломок кости, белый, как старый мел. Кожа вокруг почернела, будто её опалили – лесная ловушка, сказал кто-то. Кабанья яма с кольями. Но это уже не имело значения. Сейчас он умирал от боли быстрее, чем от раны.

Сэла склонилась над ним без лишних слов. Её движения были точными, скупыми, будто отбитыми временем. Высокая, с сутулыми плечами, закутанная в потёртый холщовый халат, который когда-то был синим, но теперь стал неопределённо серым. Лицо – острое, как обломок камня, с глубокими морщинами и выцветшими губами. Волосы, собранные в пучок под шапкой, выбивались седыми прядями, как нити из старого узора.

Она казалась почти иссохшей, будто сама выварена в травах и копоты, в бесконечных отварах и кровавых бинтах. Руки – жилистые, в тёмных пятнах, с заусенцами и мозолями, как у ремесленника, но двигались они с неожиданной грацией – не нежно, но надёжно. Каждое её движение говорило: "Я уже видела, как всё кончается. Ты ни первый и не последний."

Я схватил мужчину за плечи, пытаюсь удержать, но он дёргался как раненый зверь – на мокрой от крови простыне его тело скользило, и с каждым движением он кричал. Нет, не кричал – вопил, срывая голос, будто из него выдирали не только плоть, но и душу.

Горло у меня сжалось. Пахло всем сразу: потом, дымом, гнилью, старым уксусом, и какой-то приторной сладостью, от которой мутило. Я моргнул – пятна перед глазами плавали, как в дурном сне. Совсем не был готов к этому. Ни к запаху, ни к звуку, ни к тому, что внутри будет так мерзко и страшно.

Сэла вытерла руки о передник, взяла тонкий металлический крюк – тот звякнул, как ложка по гробовой доске.

– Сейчас он рванёт. Приготовься.

– А... может, привязать?..

– Привязывай себя, если страшно. А его держи.

И он рванул.

Разом, будто кто-то поджёг его изнутри. Тело выгнулось, я вдавился плечом в грудь, вцепился в запястья. Он чуть не сломал мне пальцы, заорав прямо в лицо – так близко, что я почувствовал его дыхание: горячее, рваное, с запахом крови и железа. Его рука хлестнула меня по скуле – я даже не успел среагировать.

Сэла работала молча, будто это был не человек, а бочка, которую надо починить. Брови сведены, губы плотно сжаты. Лицо, как у скульптуры, высеченное временем. Из глубины стола донёсся скрежет – инструмент наткнулся на что-то твёрдое.

Я отвернулся. В желудке заворочалось.

– Миску. Верхняя полка. Коричневая печать.

Сэла даже не подняла глаз.

Я бросился к полке, задевая локтем какой-то пучок сушёных трав. На полке стояли шесть одинаковых мисок, и только у одной печать была сбоку, не сверху. Схватил её, почти выронил – тяжёлая, с мутно-коричневым отваром, от которого пахло мхом и... жжёной кожей? Я не был уверен. Всё смешалось.

В этот момент вошла девушка. Или... оказалась здесь – не было ни скрипа двери, не шороха шагов. Будто воздух сгустился в уголке комнаты и вытянул из себя силуэт. Сначала – только линия плеч, серая ткань, чуть мятая, потёртая на сгибах, как одежда, которую носят долго и по делу. Платье простое, деревенское, без украшений, но сшитое аккуратно. Рукав

зацепился за дверной косяк, и складка на локте запомнилась – осталась в памяти почему-то чётче, чем всё остальное.

Капюшон соскользнул с головы, и волосы распались. Медные, не рыжие – приглушённо-осенние, тёплые, как выгоревшие листья. Пряди спутаны, как после долгого ветра, одна цеплялась за уголок губ. Она не тронула её – будто не замечала. Лицо – бледное, но не болезненное. Кожа ровная, гладкая, будто чуть прохладная на ощупь, с лёгкими веснушками через переносицу и скулы – их не было видно издали, но когда она приблизилась, я увидел: веснушки цвета тёплого зноя. Скулы чёткие, подбородок – упрямый, губы тонкие, почти прямые, и только в уголках был намёк на насмешку... или утомление. У неё было лицо, которое трудно вспомнить в деталях, но невозможно забыть ощущение от него. Как ветер перед дождём – прохладный, прозрачный, и ты не понимаешь, чего ждёшь, но точно что-то важное.

Глаза... Сначала я подумал, что серые. Но когда она подняла взгляд – в них вспыхнуло зелёное отражение, как мох в тени, как глубина родника. Большие, чуть прищуренные – не от недоверия, а как будто только что вышла из темноты и присматривается. И в этих глазах – тишина, беспокойство и отстраненность.

В руке – бутылка. Грубое стекло, тёмное, мутное по краям, но внутри отвар светился. Светился по-настоящему, не отражал свет, а излучал – тусклым, ровным, почти зелёным свечением. Цвет жидкого изумруда, пойманного на закате. Он переливался в её пальцах, и кожа казалась подсвеченной изнутри.

Руки у неё были тонкие, в шрамах и заусенцах. Пальцы цепкие, сильные, с чёрными полукружками под ногтями – будто недавно рылась в земле. Или в травах. Или в чём-то, что не хочет, чтобы его трогали. Она не смотрела на нас. Только скользнула взглядом – неторопливо, будто взвешивая воздух. Ни страха, ни желания понравиться. В её походке было то, что я не мог сразу уловить – что-то лесное. Не дикое. Не ручное. Свободное.

Она поставила бутылку на стол, не проронив ни слова. Склонила голову, почти по-сельски. Сэла хмыкнула:

– Поздно ты.

Я стоял, вжавшись плечом в край стола, всё ещё сжимая в ладонях миску, пахнущую болотом и чем-то кислым. Пальцы сводило от напряжения. Кровь на полу тянулась тонкими ручейками – кто-то смахнул её тряпкой, но та только размазалась по доскам. Всё внутри было тяжёлым, как мокрый песок: желудок, грудь, мысли. Слова будто заблудились в горле, осели комом где-то под языком.

Я увидел, как она поворачивается. Медленно. Плавно. Капюшон скользнул по плечу, ткань мягко шелестнула, почти неслышно. Айра уже тянулась к дверной петле, пальцы лёгкие, как паутина. Её профиль – чёткий, резкий, упрямый – вырезался на фоне дверной щели, в которую пробивался свет снаружи.

Не знал, что сказать. Но чувствовал, как что-то внутри, глухое и упругое, не даёт отпустить этот момент. Как будто если она сейчас выйдет – исчезнет. Не как человек, а как... смысл. Как ключ от дома, брошенный в колодезь.

Шагнула. Нога предательски прилипла к полу, ботинок хлопнул в луже крови. Я не почувствовал ни холода, ни отвращения – только этот леденящий страх, что она уйдёт, и я не успею.

– Подожди! – вырвалось громче, чем я хотел. Почти срываясь.

Она замерла. Словно звук задел невидимую нить, натянутую между нами. Голова чуть склонилась набок. Она не повернулась полностью, только медленно – очень медленно – глянула через плечо. Тихо. Непринуждённо. Но в этом взгляде было что-то, от чего мне стало неуютно. Глаза. Зелёно-серые, с тенью под ресницами. Мягкий свет окна поймал их в пол-оборота. Они были... без страха. Не настороженные, не холодные – просто внимательные. Как будто я сделал что-то странное, что стоит рассмотреть.

– Ты... – начал я, сглотнув сухость, – ты сама это сделала?

Я кивнул на бутылку с отваром, которую она поставила.

– Этот состав. Ты его... сама варила?

Пауза повисла, как паутина на ветру. Всё замерло: Сэла склонилась над раной, дровосек всхлипывал, как во сне, ветер снаружи гнал пыль под дверь. А внутри меня звенела только тишина, настороженная, хрупкая, будто всё затаилось в ожидании одного слова. Айра не пошевелилась. Глаза её не дрогнули. Потом – кивок. Едва заметный. Неуверенный? Нет. Просто... холодный. Будто она не считала нужным отвечать вслух, но решила сделать исключение.

Сердце у меня колотилось – я почувствовал, как миска дрожит в ладонях. Я сделал вдох:

– В нём... – голос сорвался, я начал заново, – это не то, что я знаю. Там... ты использовала другой корень?

Теперь она подняла подбородок чуть выше. Глаза не моргали. В них мелькнуло что-то – не насмешка, не раздражение. Оценка. Как будто она уже решила, что я не знаю ничего важного – но теперь заподозрила, что я захочу узнать. Никакого ответа не последовало. Только этот взгляд на долю секунды. А потом она отвернулась – не резко, но без тени промедления – и шагнула к выходу.

Я стоял, не зная, что сказать. Горло будто сжало стальным обручем.

– Кто она? – выдохнул я, делая шаг.

– Айра, местная травница, – неохотно ответила Сэла.

– Местная травница, – повторил я – значит, не просто соседка с луком и козой. И... ты часто её видишь?

Сэла пожала плечами, глаза блеснули каким-то странным смешком.

– Она такая... редкая птица. Появляется, когда надо. И исчезает, когда не надо. Почти как твоя способность делать отвар, который никто не умеет готовить.

Я невольно улыбнулся, хотя всё ещё чувствовал себя чужаком.

– Значит, она не только травы собирает?

– Нет, – кивнула Сэла, – Айра – настоящий феномен для нашей деревни. Но держит всё под замком, как будто боится, что кто-то украдёт её рецепты... или, может, саму её.

Я посмотрел на дверь, через которую только что ушла Айра. Что-то в ней было загадочным и притягательным. И что-то в моём собственном сердце стало немного теплее – как будто началась новая история, и она была связана с этой странной девушкой.

– Мне стоит познакомиться с ней поближе.

Сэла лишь кивнула, будто предупреждая меня, что это будет не так просто.

Я опустился на колени рядом с дровосеком и внимательно осмотрел его ногу. Кость выступала под кожей, и нога была согнута под неправильным углом – явный перелом.

“Нужно срочно наложить шину”, – подумал я, ощущая, как сердце бьётся быстрее от ответственности.

Сэла ловко, одним движением вправила кость на место, затем положила палки с обеих сторон ноги, одна длиннее – под бедро, другая короче – под голень. Я чувствовал, как руки дрожат от напряжения, но удерживал ногу ровно, стараясь не навредить. Она начала аккуратно, но уверенно, обматывать ткань вокруг ноги. Та ели заметно поскрипывала под пальцами, и я видел, как Сэла слегка нахмурилась, сосредоточившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.